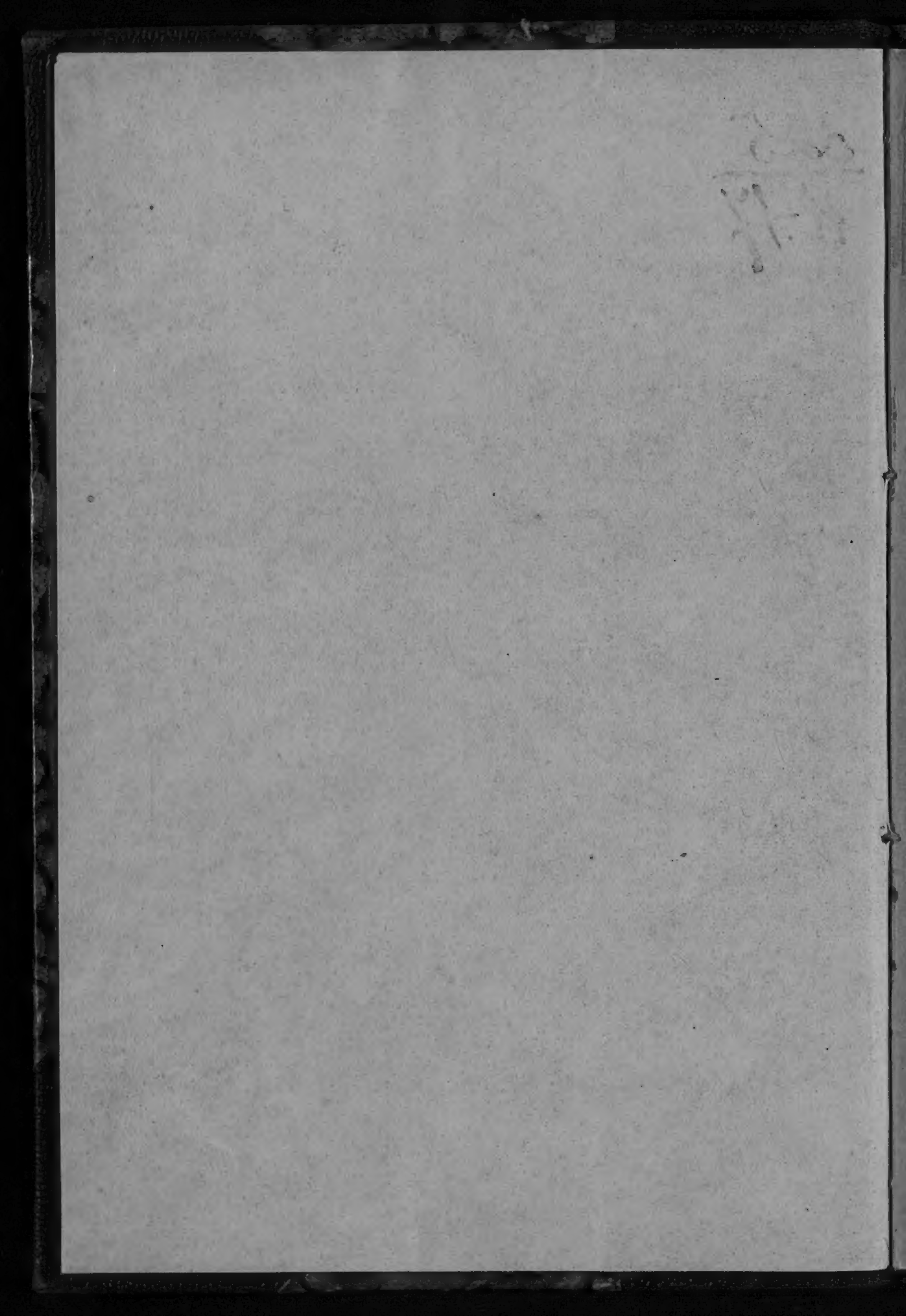
Каменев

Соц. содержание империализма

Книгоиздательство „ВОЛНА".

Ю. Каменевъ.

Соціальное содержаніе имперіализма и его преодолѣніе.

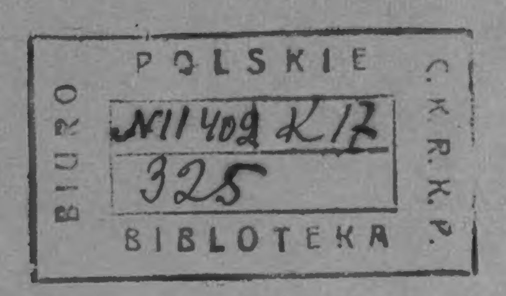
Цѣна 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917.

Книгоиздательство „ВОЛНА".

Ю. Каменевъ.

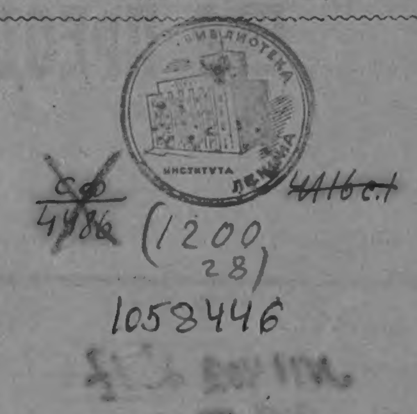
СОЦІАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ИМПЕРІАЛИЗМА И ЕГО ПРЕОДОЛѢНІЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Дозволено военною цензурою за № 8541, 27 октября 1916 г.

Типографія І. Лурье и Ко, Птгр., Гороховая, 48.

Man schreie nicht zu zehr über den Zynismus. Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen.

Для тѣхъ круговъ русскаго общества, которые привыкли руководствоваться при изученіи общественныхъ явленій историко-экономическимъ методомъ, понятіе имперіализма можно считать установленнымъ. Историческое объясненіе возникновенія этой неизбѣжной фазы капитализма и раскрытіе ея *экономическаго* содержанія, данное лѣтъ 10 тому назадъ Р. Гильфердингомъ и затѣмъ широко популяризированное не только въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, но и въ резолюціяхъ всякаго рода общественныхъ собраній (Хемницъ, Базель)—не вызвали какихъ-либо обоснованныхъ сомнѣній и могутъ считаться господствующими. Нельзя же, дѣйствительно, считать хоть въ какой-либо мѣрѣ серьезными совершенно поверхностныя соображенія Петра Маслова о незначительной роли и падающемъ значеніи колоній для современныхъ промышленныхъ государствъ. Согласно же вышеуказанному воззрѣнію, имперіализмъ есть проявленіе во внѣ, во внѣшней политикѣ, присущихъ финансовому капиталу тенденцій къ монопольной эксплоатаціи возможно болѣе широкаго, по возможности всего мірового рынка [1]).

Если этотъ пунктъ можно считать общепринятой исходной точкой зрѣнія при описаніи современныхъ событій [2]) и если онъ

---

[1]) Описаніе „Экономической системы имперіализма" дано нами въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Весьма показательно, что ее восприняли и участники сборника „Вопросы Міровой Войны", причемъ не только г. Мукосѣевъ, нѣкогда прошед-

поэтому уже не нуждается нынѣ въ спеціальныхъ истолкованіяхъ, то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ анализомъ *соціальнаго* содержанія имперіализма, т. е. съ оцѣнкой данной экономической системы и ея тенденцій съ общей точки зрѣнія развитія исторіи. Здѣсь господствуетъ (и не можетъ не господствовать) полный хаосъ взглядовъ. Въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ мы говорили выше, можно считать установившимся взглядъ, видящій въ современныхъ событіяхъ проявленіе и результатъ имперіализма, какъ *экономической* системы [1]), но тѣмъ самымъ столкновеніе мнѣній лишь переносится въ новую плоскость, въ плоскость оцѣнки соціальнаго содержанія всего процесса. Единодушная характеристика событій, какъ событій, порожденныхъ имперіализмомъ, отнюдь вѣдь не исключаетъ еще діаметрально-противоположныхъ подходовъ къ установленію своего (или группового) отношенія къ этимъ событіямъ.

Событія носятъ имперіалистическій характеръ, утверждаетъ германскій патріотъ д-ръ Леншъ, и, опираясь на это, проповѣдуетъ разгромъ Англіи. Событія созданы имперіализмомъ — это не тайна и для А. Потресова, и это отнюдь не мѣшаетъ ему выкинуть знамя, отъ котораго лѣтъ 70 тому назадъ уже отказались его бывшіе учителя. Событія созданы имперіализмомъ, единогласно утверждаютъ циммервальдцы, но въ то время какъ меньшинство ихъ вполнѣ логично дѣлаетъ изъ этого выводъ о созрѣваніи объективныхъ условіи для новыхъ общественныхъ отношеній, большинство уклоняется отъ соотвѣтствующаго вы-

---

шій марксистскую школу, но и г. Гриммъ; вполнѣ естественно, что усвоеніе сотрудниками изданій русскаго министерства финансовъ и либеральными академиками этой точки зрѣнія вызвало протестъ со стороны представителя нашего традиціоннаго либерализма, г. Слонимскаго. См. его статью въ декабрьской кн. „Вѣстника Европы" за 1915 г.

[1]) И здѣсь и въ дальнѣйшемъ мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ немалочисленныхъ правда—публицистовъ, удовлетворяющихся и до сихъ поръ идеологіей первыхъ недѣль войны, вродѣ г.г. Н. Іорданскаго, Л. Дейча и др.

вода и этимъ очищаетъ мѣсто для двусмысленныхъ формулировокъ, дающихъ возможность истолковать ихъ надежды въ смыслѣ наивнаго и противорѣчиваго идеала „status quo ante bellum“.

Ясно, что критика этихъ противорѣчій требуетъ спора въ *новой* плоскости. Установленіе экономическаго содержанія имперіализма и, слѣдовательно, современныхъ событій — превзойденная ступень. Надо итти дальше, подняться на новую ступень.

На этой новой ступени мы будемъ имѣть дѣло уже не съ цифрами ввоза и вывоза, экспорта капиталовъ и суммами иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ на европейскихъ биржахъ, а съ объективными задачами, стоящими передъ нашей эпохой, и во всѣхъ указанныхъ цифрахъ и достаточно примелькавшихся таблицахъ нашедшими лишь свое частичное выраженіе. Для нашего дальнѣйшаго анализа этихъ объективныхъ задачъ эпохи намъ будетъ достаточно пары итоговыхъ цифръ, опирающихся на весь предварительный анализъ „финансоваго капитала“, какъ цѣлостной экономической системы, и сразу бросающихъ яркій свѣтъ на историческій смыслъ переживаемой эпохи. Поскольку насъ интересуетъ, такимъ образомъ, не національное различіе экономическихъ системъ, а какъ разъ обратное, именно *общій* духъ эпохи, постольку въ нашихъ цифрахъ должны быть *погашены* національные признаки и взято то, что характеризуетъ общія тенденціи капиталистическаго хозяйства.

***

Если представить себѣ, что доменныя печи всего міра работаютъ безъ перерыва 365 дней въ году и по 24 часа въ сутки, то окажется, что міровое производство выбрасываетъ *ежечасно* на рынокъ болѣе 500.000 пуд. чугуна, а каменноугольныя шахты однихъ только Англіи, Бельгіи, Франціи и Германіи въ *тотъ же часъ* — по 4 милліона пудовъ угля. *Ежечасное* производство $^1/_2$ милліона пуд. чугуна и 4 милліона пуд. угля, продолжающееся безпрерывно 24 часа въ сутки и 365 дней въ году, — таково

видѣтельство о грандіозности находящихся въ распоряженіи человѣчества производительныхъ силъ. Каждое десятилѣтіе указанное количество увеличивается въ $1^1/_2$ раза. Если мы—въ пылу новыхъ лозунговъ—не забыли еще, что въ капиталистическомъ обществѣ именно въ ростѣ производства средствъ производства, въ этомъ „производствѣ ради производства“, и находитъ себѣ выраженіе его тенденція къ „абсолютному развитію производительныхъ силъ“, то приведенныя выше цифры не потребуютъ спеціальныхъ комментаріевъ въ качествѣ показателей достигнутой ступени обобществленія трудового процесса (и — соотвѣтственно — степени обостренія противорѣчія между развитіемъ производительныхъ силъ и общественными отношеніями производства).

Таково первое свидѣтельство цифръ. Грандіозное количество производимыхъ товаровъ, на которое онѣ указываютъ, должно быть распредѣлено. Въ этомъ распредѣленіи соціально-экономическія силы не считаются съ національно-государственными территоріями: къ 1915 г. общій оборотъ внѣшней торговли главнѣйшихъ государствъ достигъ 65 милліардовъ руб. Это значитъ, что *ежедневно* пересѣкаютъ государственныя границы товары на 180.000.000 р.

На современной стадіи капиталистическаго хозяйства *товарообмѣнъ*, однако, далеко не исчерпываетъ хозяйственной (слѣд. и политической) связанности разгороженныхъ другъ отъ друга территорій. Эта связанность находитъ себѣ все болѣе и болѣе широкое выраженіе въ движеніи финансоваго, денежнаго капитала: въ міровыхъ эмиссіяхъ цѣнныхъ бумагъ (акцій промышленныхъ предпріятій и облигацій государственныхъ и др. займовъ). Статистика міровыхъ эмиссій и дастъ намъ еще одну, очень важную и характерную цифру. Она указываетъ, что все большая часть влагаемыхъ въ цѣнныя бумаги капиталовъ идетъ на обслуживаніе капиталистически - отсталыхъ, внѣевропейскихъ странъ. Такъ, напр., въ 1910 г. изъ общей суммы міровой эмис-

сіи въ 26,5 милліардовъ франковъ 52,35% ушло на цѣнныя бумаги внѣевропейскихъ странъ. Иначе говоря, для капиталистическаго оборудованія неевропейскихъ странъ за одинъ лишь годъ затрачено 14 милліардовъ фр. въ бумагахъ. Для того, чтобы показать, съ какой интенсивностью идетъ это приложеніе европейскихъ капиталовъ въ отсталыхъ, аграрныхъ странахъ, укажемъ еще, что одна Англія къ концу 1915 г. исчисляла капиталъ, вложенный ею *заграницей*, почти въ 4 милліарда ф. ст. и что около 5/6 этой суммы цѣликомъ поглощены Азіей, Южной Америкой, Африкой и лишь остатокъ (1/6) нашелъ помѣщеніе въ С.-Штатахъ, Франціи, Германіи и Италіи. Толчокъ, даваемый развитію производительныхъ силъ оплодотворяемыхъ европейскимъ капиталомъ странъ, колоссаленъ.

Приведенныя нами три группы цифръ—роста производительныхъ силъ, роста внѣшней торговли и капиталистическаго оборудованія отсталыхъ странъ всего міра—только символы объективныхъ задачъ, стоящихъ передъ нашей эпохой и ею разрѣшаемыхъ. *Какъ*—объ этомъ мы поговоримъ ниже.

Колоссальный ростъ человѣческаго богатства, разрушеніе соціально-экономическимъ оборотомъ національно-государственныхъ границъ, вовлеченіе всего міра, въ томъ числѣ отсталыхъ заморскихъ и незаморскихъ, колоніальныхъ областей, въ общую хозяйственную жизнь—таковы объективныя данныя о характерѣ нашей эпохи. Человѣчество не можетъ отказаться ни отъ одного изъ элементовъ этого процесса; каждый изъ нихъ въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ представляютъ несомнѣнныя завоеванія, неизбѣжныя ступени въ поступательномъ ходѣ исторіи, необходимыя предпосылки новыхъ методовъ организаціи человѣческаго труда. Всякая критика нашей эпохи, не принимающая во вниманіе прогрессивнаго значенія этихъ задачъ, не отправляющаяся въ своихъ построеніяхъ отъ признанія объективной цѣнности этого процесса,—неизбѣжно вырождается въ романтику, въ романтику *реакціонную*.

Но—не забудемъ—„производство стали—это только предлогъ для производства прибыли. У доменныхъ печей, прокатныхъ мастерскихъ и т. п., у строеній, машинъ, желѣза, угля и т. д. есть дѣло поважнѣе, чѣмъ превращаться въ сталь. Они существуютъ для того, чтобы впитывать прибавочный трудъ... они утрачиваютъ свой характеръ капитала и потому представляютъ чистый убытокъ для Сандерсовъ, если только ихъ функція впитыванія труда прекращается“ (К. I, 226).

Съ этой основной чертой современнаго хозяйственнаго строя связано то, что всѣ указанные прогрессивные процессы протекаютъ подъ руководствомъ, контролемъ и эксплоатируются въ частныхъ интересахъ концентрированнаго и централизованнаго капитала. Достигнутую уже ступень этой централизаціи,—чтобы не плодить цифръ и такъ какъ и здѣсь насъ интересуетъ не процессъ самъ по себѣ, а лишь его итоговыя данныя—можно охарактеризовать заявленіемъ электрическаго короля Германіи, Ратгенау, о томъ, что 300 человѣкъ управляютъ всей промышленной жизнью Германіи, и указаніемъ Гильфердинга, что господство надъ хозяйственной жизнью той же Германіи принадлежитъ тому, кто господствуетъ надъ 6 крупнѣйшими берлинскими банками. Это сосредоточеніе руководства хозяйственной жизнью, а, слѣд., и прибылей отъ всего народнаго труда, въ рукахъ немногочисленной верхушки магнатовъ финансоваго капитала, единогласно засвидѣтельствованное относительно Германіи съ двухъ противоположныхъ сторонъ, и составляетъ ту послѣднюю черту, которая намъ необходима для установленія общаго смысла переживаемаго народно-хозяйственнаго процесса.

Сочетая во-едино,—ибо онѣ неразрывны и въ жизни,—четыре вышеуказанныя тенденціи современнаго хозяйственнаго развитія, мы получили бы слѣдующую формулу имперіализма, какъ историческаго момента въ соціальной жизни человѣчества. Колоссальный ростъ производительныхъ силъ, колоссальный ростъ ихъ концентраціи и планомѣрнаго регулированія, преодо-

лѣніе ими территоріальной ограниченности данныхъ народныхъ хозяйствъ, вовлеченіе въ общую жизнь и пробужденіе къ ней отсталыхъ (колоніальныхъ) областей—подъ руководствомъ и ради увеличенія прибылей капиталистическихъ объединеній.

Формула эта антагонистична,—ибо таковой и должна быть всякая формула, пытающаяся охватить кишащую антагонизмами современную жизнь. И читатель, давшій себѣ трудъ вдуматься въ нее, легко замѣтитъ, что одинъ членъ этой формулы вступаетъ въ неизбѣжный (и все болѣе обостряющійся) конфликтъ со всѣми другими.

Ростъ производительныхъ силъ, отданныхъ въ распоряженіе капиталистическихъ монополистовъ, выражается въ колоссальномъ возростаніи того „производства ради производства", которое своей обратной стороной имѣетъ паденіе доли труда въ національномъ доходѣ, т. е. ухудшеніе положенія массъ.

Ростъ планомѣрнаго регулированія хозяйства на основѣ его коллективно-*капиталистической* организаціи обозначаетъ, рядомъ съ повышенной производительностью, и утилизацію всѣхъ выгодъ послѣдней на одномъ полюсѣ, ростъ хозяйственнаго и политическаго могущества финансовой олигархіи.

Преодолѣніе міровымъ движеніемъ территоріальной ограниченности—подъ руководствомъ національныхъ трестовъ—находитъ свое выраженіе лишь въ борьбѣ національно-организованныхъ трестовъ за захватъ мірового рынка, за свою гегемонію на немъ, т. е. проявляется лишь въ ожесточенной конкуренціи національныхъ, опирающихся на всю государственную мощь капиталовъ за власть надъ фактически создающимся міровымъ рынкомъ. Поскольку процессъ обобществленія производства и регулированія мірового рынка протекаетъ въ рамкахъ капиталистическаго общества, онъ, натыкаясь на старинные межевые знаки, можетъ сокрушить послѣдніе лишь методами, сопряженными съ грандіозной растратой человѣческихъ жизней, силъ и накопленнаго труда, и сокрушаетъ ихъ къ *непосредственной*

выгодѣ лишь отдѣльныхъ группъ олигарховъ-монополистовъ капитала.

И, наконецъ, вовлеченіе отсталыхъ странъ въ міровую культуру, поскольку оно производится методами и во имя интересовъ частныхъ монопольныхъ группъ, обозначаетъ безпримѣрно-жестокую и разрушительную эксплоатацію этихъ областей.

Весь этотъ антагонистическій процессъ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ, своей отправной точкой то основное противорѣчіе, которое указано въ вышеприведенныхъ словахъ о желѣзѣ, имѣющемъ своей цѣлью впитываніе прибавочнаго труда, а никакъ не удовлетвореніе потребностей человѣческаго общества самого по себѣ,—и только съ разрѣшеніемъ этого основного противорѣчія можетъ быть найденъ исходъ для всего антагонистическаго процесса.

Въ эпоху господства финансоваго капитала и имперіализма эти противорѣчія принимаютъ, такъ сказать, монументальную форму и концентрируются въ двухъ пунктахъ: утилизаціи всего въ грандіозныхъ размѣрахъ обобществленнаго производства монополистскими союзами капитала и стремленіи національныхъ капиталовъ къ эксплоатаціи созданнаго мірового рынка. Имперіализмъ и есть одинъ изъ методовъ рѣшенія этихъ противорѣчій, методъ, порожденный групповыми интересами буржуазіи, интересами монополизаторовъ средствъ производства и мірового рынка,—методъ буржуазіи. Это—методъ жестокій. Но—совершенно неизбѣжный, опирающійся на колоссальныя силы соотвѣтствующихъ группъ. Онъ не можетъ быть просто „отвергнутъ“. Онъ долженъ быть побѣжденъ другимъ методомъ рѣшенія *тѣхъ же* вопросовъ. Если у другихъ группъ, антагонистическихъ буржуазной монополіи, нѣтъ силъ противопоставить этому методу другіе, *свои* методы, если онѣ не могутъ, не умѣютъ взять въ свои руки задачи обобществленія производства, регулированія мірового рынка и перераспредѣленія производитель-

ныхъ силъ вовлеченіемъ въ общій оборотъ культуры отсталыхъ странъ,—то этотъ методъ будетъ торжествовать.

Поставленныя задачи не могутъ остаться нерѣшенными. Попытки смягчить жестокость даннаго метода рѣшенія историческихъ задачъ путемъ проповѣди „разоруженія“, „арбитража“ и пр. и пр. такъ же призрачны, обречены на такую же безславную судьбу, какъ и законодательныя попытки бороться съ процессомъ трестированія и картеллированія промышленности.

У насъ считаютъ патентомъ на „прогрессивность“ ламентаціи противъ имперіализма. Но быть „противъ имперіализма“ отнюдь еще не обозначаетъ—занимать правильную позицію. Сущность позиціи создается не тѣмъ, стоитъ ли данная группа *за* или *противъ* имперіализма, а тѣмъ—понимается ли при этомъ *поступательное*, прогрессивное содержаніе тѣхъ хозяйственныхъ процессовъ, которые находятъ свое безчеловѣчно-жестокое выраженіе въ имперіализмѣ. Фактически, на дѣлѣ, именно то или другое пониманіе имперіализма лежитъ въ основѣ всякихъ практическихъ рѣшеній,—даже у тѣхъ, кто не даетъ себѣ труда проанализировать свое отношеніе къ событіямъ съ этой точки зрѣнія и ограничивается внѣшними и поверхностными критеріями.

Если снять всѣ случайные, переходящіе, ad hoc созданные мотивы практической позиціи Шейдемана, Вандервельде, Самба, Плеханова, Кольба, Потресова (ибо это, конечно, одна группа въ идейномъ смыслѣ) и ихъ противниковъ, то въ основѣ ихъ воззрѣній должна будетъ оказаться именно общая оцѣнка не національныхъ особенностей той или другой страны въ тотъ или другой моментъ, а общихъ тенденцій имперіалистической эпохи и *характера выдвинутыхъ ею задачъ.*

И намъ кажется, что уже пришла пора обратиться именно къ этому общему отвѣту, ибо только тогда можно будетъ уяснить себѣ, въ чемъ коренная причина того, что такъ много испытанныхъ, казалось бы, репутацій пошло на то, чтобы въ

столь короткій срокъ пустить въ обращеніе такую массу фальшивѣйшихъ лозунговъ. Міръ разводитъ въ недоумѣніи руками (и потираетъ ихъ нерѣдко отъ удовольствія) при зрѣлищѣ того, какъ вчерашніе классовики проповѣдуютъ Burgfrieden, вчерашніе интернаціоналисты съ жаромъ неофитовъ смакуютъ неожиданно открывшіяся имъ красоты строфъ „Клеветникамъ Россіи", вчерашніе сторонники свободной торговли кладутъ лучшую энергію своего пера въ защиту охранительныхъ пошлинъ и т. д. и т. п. Искать причинъ этихъ трансформацій въ логическихъ способностяхъ тѣхъ или другихъ дѣятелей—безплодно. Логическій разборъ ихъ позицій, сопоставленіе послѣднихъ съ ихъ старыми словами—поучительны, но все-таки не даютъ объясненія неожиданныхъ и головокружительныхъ сальто-мортале. Ибо подобный анализъ способенъ только констатировать полную сумятицу мыслей, торжество логически-нестерпимой путаницы: при подобномъ изученіи ихъ взглядовъ послѣдніе представляются просто какимъ-то логическимъ соромъ, какими-то обрывками мыслей, идейнымъ хламомъ, вдругъ выкинутымъ на поверхность порывомъ неожиданныхъ чувствъ. А между тѣмъ, въ этомъ „безуміи" есть система. И, чтобы побѣдить это безуміе, надо понять систему въ ея внутренней логической связанности.

Если брать тѣ идейныя теченія, которыя числятъ себя въ рядахъ принципіальныхъ противниковъ современнаго сверхъкапитализма, то по практическому отношенію къ имперіализму ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ обширныя группы, обѣ равно чуждыя правильной точкѣ зрѣнія и потому враждебныя интересамъ тѣхъ, отъ имени которыхъ эти группы выступаютъ.

Коренная теоретическая ошибка первой заключается въ непониманіи поступательнаго значенія того хозяйственнаго процесса, который, порождая имперіализмъ, самъ же выковываетъ и единственно возможные методы его окончательнаго преодолѣнія. Коренная ошибка второй—въ смѣшеніи интересовъ имперіалистическихъ группъ населенія съ интересами всего міро-

вого развитія. Поскольку слова о „вѣчномъ мирѣ", „всеобщемъ разоруженіи" и о „мирѣ безъ аннексій и контрибуцій" опираются на непониманіе или „непріятіе" самой сущности современнаго хозяйственнаго процесса, постольку вырывается почва изъ-подъ ногъ группы, провозглашающей эти почтенные лозунги; и ея критика имперіализма превращается въ голосъ и безсильное морализированіе противъ исторіи. Получаются лишь пустыя воздыханія и ламентаціи о томъ, что миръ лучше драки. Густой пеленой отъ глазъ заинтересованныхъ закутываются и истинныя причины „драки", и ея неизбѣжность (и неизбѣжность ея *повторенія* при данныхъ условіяхъ), и дѣйствительные методы обезопашенія человѣчества отъ этихъ повтореній. Мало того. Въ своей морализирующей критикѣ того процесса, который привелъ къ „дракѣ", эти проповѣдники неизбѣжно должны опираться именно на тѣ „цѣнности", которыя этотъ процессъ уничтожаетъ и уничтоженіе которыхъ лежитъ по пути человѣческаго прогресса, идущаго къ солидаризаціи и уничтоженію всяческой обособленности. Это та же точка зрѣнія, которая заставляла романтиковъ мелкой буржуазіи ополчаться противъ крупной промышленности, партикуляристовъ и націоналистовъ (мы говоримъ, конечно, о демократическомъ націонализмѣ), ополчаться противъ поглощенія ихъ приходовъ болѣе крупными хозяйственными объединеніями.

Въ результатѣ получается то, что подобные критики *искренно* цѣпляются за то именно, что своекорыстно *эксплоатируютъ* въ своихъ интересахъ руководящія имперіалистскія группы. Этотъ процессъ всего удобнѣе иллюстрировать на примѣрѣ хотя бы Германіи.

Ея руководящіе имперіалистскіе круги великолѣпно знаютъ, что въ этой войнѣ рѣчь идетъ не о „защитѣ" Германіи, не объ охранѣ ее исторически-данныхъ государственныхъ границъ, а какъ разъ объ обратномъ: о преодолѣніи данныхъ границъ въ интересахъ капитала, не о „защитѣ отечества", а о гегемоніи даннаго отечества.

Однако, въ своей практической работѣ эти же самые круги должны неизбѣжно эксплоатировать созданное всей предшествующей исторіей патріотическое чувство германскаго народа, его піэтетъ передъ идеей германскаго отечества, этотъ кристалъ его исторіи вчерашняго дня. Иронія исторіи хочетъ, чтобы продуктъ вчерашняго историческаго дня, продуктъ отходящей исторической эпохи былъ употребленъ для достиженія діаметрально-противоположныхъ цѣлей. Опираясь на силу идеи отечества въ массахъ, имперіализмъ сметаетъ границы между отдѣльными отечествами, опираясь на преклоненіе массы передъ идеей самоопредѣленія національностей, мобилизуетъ ее для фактическаго преодолѣнія этой идеи, для созданія единой хозяйственной территоріи, погашающей въ себѣ національно-государственныя различія.

Нетрудно видѣть,—беря все ту же Германію,—что та либеральная, гуманитарная „соціалъ-демократическая“ пропаганда, которая усиленно и искренно разрабатываетъ нынѣ идею германскаго отечества, охраны его границъ и т. д., просто разрабатываетъ ту самую руду, изъ которой Баллины, Рорбахи, Чемберлэны и Гельферихи выковываютъ свои имперіалистическіе мечи.

Въ Германіи этого рода идеологія до самаго послѣдняго времени не имѣла своего законченнаго выраженія. Она могла найти себѣ опору скорѣе всего въ кругахъ соціалъ-демократической партіи. Но извѣстно, что съ самаго начала войны она—въ своемъ патріотическомъ усердіи—зашла гораздо дальше чисто-оборончеcкой позицій. Только теперь, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выдѣлившаяся группа Гаазе-Каутскаго пытается стать на пацифистско-національную точку зрѣнія въ ея чистомъ видѣ. Опредѣляя свою позицію, она въ качествѣ мотива своего перваго практическаго шага,—голосованія противъ кредитовъ 21 декабря 1915 г.—привела то соображеніе, что границы Германіи, по ея мнѣнію, нынѣ уже обезпечены отъ внѣшней

угрозы. Такимъ образомъ, отмежевавшись отъ чисто-имперiалистскихъ мотивовъ Шейдемана, Давида, Легина и пр., эта новая группа осталась цѣликомъ на почвѣ нацiональной идеи, которая всѣмъ ходомъ событiй и въ каждый данный моментъ *противопоставляется* идеѣ интернацiонализма, а никакъ не служитъ опорной точкой послѣдней. Въ то же время эта группа Гаазе-Каутскаго является въ Германiи единственной представительницей чистаго, искренняго—и тѣмъ болѣе немощнаго—пацифизма,—ибо ни позицiя праваго большинства германской с.-д-тiи, ни позицiя группы Либкнехтъ-Люксембургъ никакъ пацифистскими названы быть не могутъ. Первая разсматриваетъ вопросы мира съ точки зрѣнiя обезпеченiя германскихъ нацiональныхъ интересовъ на мiровомъ рынкѣ, вторая ставитъ вопросъ о мирѣ лишь въ перспективѣ общихъ задачъ труда въ имперiалистическую эпоху, разсматриваетъ миръ лишь какъ одинъ изъ результатовъ и одинъ изъ этаповъ рѣшительной борьбы германскаго пролетарiата противъ господства его классовыхъ противниковъ.

Занявъ, такимъ образомъ, позицiю нацiонально-пацифистскую, позицiю «самозащиты», группа Гаазе-Каутскаго остается внѣ круга тѣхъ идей, которыя способны были бы указать дѣйствительный путь преодолѣнiя имперiализма. Ибо противопоставлять имперiализму идею нацiонально-разграниченныхъ хозяйственныхъ территорiй, — это значитъ дѣлать реакцiонную работу. Это значитъ противопоставлять тресту апологiю индивидуальнаго предпринимательства. Это значитъ лѣчить болѣзни сегодняшняго дня исторiи мечтами о возстановленiи ея вчерашняго дня. Но исторiя не возвращается назадъ.

Соцiалъ-имперiалистъ Шейдеманъ былъ совершенно правъ, когда заявилъ, что «только младенецъ политическiй можетъ думать, что послѣ того, какъ мiръ былъ объятъ пожаромъ и миллiоны людей погибли,—ни одинъ пограничный камень не перемѣнитъ мѣста, когда, наконецъ, прiйдетъ миръ». Не больше

политическаго смысла обнаруживаютъ и тѣ группы, которыя хотѣли бы подчинить всю свою дѣятельность руководящей идеѣ о неподвижности, сакраментальности этихъ нѣкогда установленныхъ камней.

Прежде всего простая справка могла бы показать имъ относительно всѣхъ государствъ, втянутыхъ въ войну—и въ первую голову относительно болѣе мелкихъ изъ нихъ,—что даже при условіи полнаго возстановленія ихъ старыхъ границъ соціально-политическое содержаніе ихъ «независимости», ихъ суверенности, ихъ хозяйственнаго самоопредѣленія, будетъ совершенно другимъ: нѣсколько новыхъ десятковъ милліардовъ долгу — и созданная на этой почвѣ зависимость и связанность съ кредиторомъ ничѣмъ принципіально не отличаются отъ аннексій или контрибуцій. Уже до войны свобода въ выборѣ своихъ путей международныхъ отношеній для всего рода мелкихъ государствъ была сильно стѣснена ихъ финансовой зависимостью отъ того или другого національнаго банковаго консорціума и—въ связи съ этимъ—связанностью матеріальнаго оборудованія ихъ военныхъ силъ съ тѣмъ или другимъ изъ міровыхъ поставщиковъ орудій войны (Круппъ, Крезо, Виккерсъ, и т. д.). Война, которая неизбѣжно истощитъ рессурсы отдѣльныхъ государствъ и окончательно разоритъ болѣе слабыя изъ нихъ, поставивъ, такимъ образомъ, хозяйство этихъ послѣднихъ передъ въ сотни разъ обострившейся потребностью въ капиталахъ на другой день послѣ войны, которая, съ другой стороны, сдѣлала всякое военное предпріятіе страшно дорогой финансово-экономической операціей, чрезвычайно усилитъ эту связанность мелкихъ (а также крупныхъ, но хозяйственно - отсталыхъ) «суверенныхъ» государствъ съ политикой ихъ кредиторовъ. При этихъ условіяхъ содержаніе всей внутренней и внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ будетъ опредѣляться на другой день послѣ войны не фактомъ возстановленія формальной суверенности данной государственной организаціи и не начертаніемъ границъ, а тѣми фи-

нансово-экономическими зависимостями, которыя развиваются въ самой войнѣ и которыя укрѣпятся еще болѣе, когда станетъ вопросъ о востановленіи экономической жизни захваченныхъ разрушительнымъ процессомъ областей, о возрожденіи городовъ, промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Уже республики Центральной Америки дали намъ примѣръ призрачной «независимости», обусловленной полной экономической зависимостью отъ капиталовъ сосѣдней могущественной державы. При такихъ обстоятельствахъ неприкосновенность пограничныхъ камней отступаетъ далеко на заднiй планъ передъ другими факторами имѣющаго создаться порядка, и попытка сдѣлать эту «неприкосновенность» руководящимъ мотивомъ дѣйствiй, опредѣляющей идеей момента, не можетъ не быть оцѣнена весьма и весьма низко съ теоретической точки зрѣнія.

Для всего же мірового хозяйства status quo ante представляется полной нелѣпицей. Его воплощеніе обозначало бы только одно: пониженіе уровня производительныхъ силъ до нормы середины XIX ст., сведеніе мірового рынка къ минимальнымъ размѣрамъ, отказъ отъ вовлеченія цѣлыхъ странъ въ общую жизнь человѣчества, съ одной стороны, и крушеніе идеаловъ и надеждъ тѣхъ слоевъ общества, которые ищутъ выхода не въ прошломъ, а въ преодолѣніи экономическихъ противорѣчій настоящаго, съ другой стороны. И если бы истощеніе воюющей Европы дѣйствительно низвело производительныя силы человѣчества до такого уровня и привело къ крушенію всякихъ попытокъ указанныхъ слоевъ превратить данную обстановку въ преддверіе новыхъ общественныхъ отношеній, тогда и только тогда могъ бы получить осуществленіе status quo ante. Въ качествѣ лозунга это — только идеологическое предвосхищеніе подобнаго исхода событій и фактическій отказъ отъ развитія тѣхъ силъ, которыя подобный исходъ могли бы предотвратить. Мало того. Такъ какъ вернувшись лѣтъ на 70 назадъ, Европа не обрѣла бы, однако, въ этомъ попятномъ шествіи никакого новаго принципа своего

хозяйственнаго строительства, — наоборотъ, это возвращенie вспять знаменовало бы лишь пораженie попытокъ воплощенiя этого новаго принципа, — то черезъ 50 лѣтъ мы имѣли бы повторенie сегодняшнихъ событiй.

Между тѣмъ, вопросы, поставленные эпохой имперiализма, не могутъ остаться не рѣшенными. Проповѣдники и защитники status quo ante проповѣдуютъ застой, отодвиганie рѣшенiя задачи, ибо „предложенное“ имперiалистами рѣшенie очень жестоко. Это такъ. Оно, дѣйствительно, жестоко. Но противопоставить этому жестокому отвѣту имперiалистовъ можно не обывательную формулу:—„кончайте возможно скорѣе и возможно безобиднѣе!“—а лишь другой методъ рѣшенiя *тѣхъ же* вопросовъ, *свое* рѣшенie тѣхъ же противорѣчiй. Его у защитниковъ status quo ante нѣтъ. У нихъ есть, вмѣсто отвѣта, доброе сердце. Но это—доброта, которая, по пословицѣ, хуже „воровства“, хуже жестокости: жестокость, какъ никакъ, ведетъ впередъ, доброта же хочетъ приковать къ мѣсту, закрѣпить данное, искать спасенiя не въ своей активности, а въ активности чужихъ ей силъ, за которыми она фактически и слѣдуетъ, которыя она, какъ это мы и видимъ нынѣ на рядѣ примѣровъ, фактически и обслуживаетъ.

Но дѣйствительнаго рѣшенiя поставленныхъ эпохой вопросовъ не видятъ и люди, стоящie на принципiально другой, по отношенiю къ имперiализму, позицiи: тѣ, кто находитъ для рабочаго класса активную роль въ имперiалистической войнѣ, кто, какъ Леншъ или Гайдманъ, говорятъ объ его активныхъ задачахъ вродѣ сокрушенiя остатковъ феодализма или духа трэдъ-юнiонизма въ зарубежныхъ странахъ.

И эту позицiю въ наиболѣе чистомъ видѣ удобнѣе по условiямъ мѣста и времени наблюдать среди нѣмецкихъ соцiалистовъ. Ея выразителями служатъ тамъ такie рѣзкie защитники ортодоксiи въ прошломъ, какъ Леншъ, затѣмъ (поскольку можно судить по отголоскамъ русской прессы) Куновъ. Ея логическимъ

завершеніемъ является та практическая политика, которую заранѣе подготовляютъ и для мирнаго періода на страницахъ „Socialistische Monatschri“ и которая сводится къ полному отказу отъ отрицательнаго отношенія къ военнымъ бюджетамъ, къ колоніальной политикѣ и къ протекціонизму, даже къ протекціонизму аграрному.

Въ концѣ концовъ, логика этой позиціи способна своей простотой оглушить всякаго.

Имперіализмъ, разсуждаютъ эти соціалъ-шовинисты, есть неизбѣжная стадія въ переходѣ отъ капитализма къ новому строю общественныхъ отношеній. „Капитализмъ,—пишетъ Леншъ,—хочетъ онъ того или не хочетъ, въ послѣднемъ счетѣ вынужденъ работать для насъ... даже во всемірной войнѣ“. Мало того. Леншъ идетъ дальше. Онъ пишетъ: „Эта война должна дѣйствовать, какъ „локомотивъ исторіи“, и привести болѣе быстрымъ темпомъ къ концу то, что начало медленно подготовляться мирной эволюціей“.

Выводъ?—Выводъ тотъ, что германскіе соціалъ-демократы должны содѣйствовать имперскому германскому правительству въ его имперіалистическихъ задачахъ, ибо „хочетъ оно того или не хочетъ“, оно, видите-ли, объективно ведетъ дѣло къ осуществленію старыхъ идеаловъ Ленша!

Не трудно видѣть, что читателю преподносится здѣсь съ серіознымъ видомъ та самая каррикатура на логику марксизма, которая нѣкогда заставляла нѣкоторыхъ наивныхъ людей предполагать, что, ища опоры для будущаго въ развитіи производительныхъ силъ, „ученики Маркса“ тѣмъ самымъ обязуются строить кабаки, содѣйствовать развитію крупной промышленности за счетъ мелкихъ промысловъ, содѣйствовать разоренію и „расточенію“ послѣднихъ и т. д. и т. п. Это именно та логика, которую пытался навязать марксизму Бернштейнъ и рѣшительное отверженіе которой подлиннымъ Марксомъ заставило Бернштейна, а за нимъ и всѣхъ оппортунистовъ, усмотрѣть въ

Марксѣ-бланкиста. Ибо, въ концѣ концовъ, бланкизмомъ въ марксизмѣ оппортунизмъ почитаетъ именно его нежеланіе подмѣнить точку зрѣнія между-классовыхъ антагонизмовъ, какъ движущей силы развитія, „объективной“ точкой зрѣнія развитія производительныхъ силъ. Это, наконецъ, та логика, которая заставила нѣкогда Струве,—послѣ того, какъ установленъ былъ фактъ неизбѣжности капиталистическаго развитія Россіи,—подмѣнить вытекающій изъ этого факта классовый марксистскій лозунгъ—„объективнымъ“ лозунгомъ: „пойдемъ на выучку къ капитализму“. Искаженіе марксизма, совершенное тогда г-номъ Струве, и искаженіе его у Ленша—однородны: они въ равной мѣрѣ превращаютъ „марксизмъ“ изъ идеологической оболочки движенія даннаго класса капиталистическаго общества въ идеологію всего „объективнаго“ процесса капиталистическаго развитія, т. е. тѣхъ группъ, которымъ въ этомъ процессѣ достается господствующая роль.

Что касается сейчасъ демонстрированнаго на примѣрѣ германскаго соціалъ-имперіалиста Ленша хода мысли, то нужно тутъ же признать, что Леншъ совершенно правъ въ своихъ исходныхъ положеніяхъ. Онъ правъ, когда говоритъ о томъ противорѣчивомъ пути, которымъ въ рамкахъ капиталистическаго общества осуществляется всякій шагъ впередъ. Онъ правъ, указывая, что даже во всемірной войнѣ капитализмъ вынужденъ работать для принципіально-враждебныхъ ему цѣлей. Онъ особенно правъ, когда видитъ въ соотвѣтствующихъ столкновеніяхъ „локомотивъ исторіи“, т. е. сильнѣйшее ускореніе темпа общественнаго развитія въ опредѣленную сторону. И тутъ рѣшительно неправъ романтикъ Черновъ, возмущающійся и иронизирующій по поводу этого „возведенія въ рангъ локомотива исторіи“ [1]). Какъ и полагается романтику, Черновъ, не замѣчая слабыхъ мѣстъ соціалъ-имперіалистической логики, ополчается какъ разъ на ея „сильныя“ стороны, на тѣ именно пункты

[1]) См. его статью въ № 1 „Сѣв. Записокъ“ за 1916 г.

гдѣ Леншъ лишь *повторяетъ* безспорныя, давно уже доказанныя исторіей положенія своего бывшаго учителя. Сопоставленіе въ этой плоскости романтика Чернова съ соціалъ-имперіалистомъ Леншемъ можетъ дать только один вывод: Черновъ много „человѣколюбивѣе" Ленша, но Леншъ, къ сожалѣнію, много лучше Чернова понимаетъ условія развитія современнаго общества. На дѣлѣ Леншъ попадаетъ въ трясину имперіализма не тогда, когда онъ констатируетъ противорѣчія капиталистическаго, а слѣд., и имперіалистическаго развитія и усматриваетъ въ этихъ противорѣчіяхъ стимулъ будущаго, а тогда, когда, переходя къ выводамъ, онъ *забываетъ* объ этихъ противорѣчіяхъ, когда изъ факта неизбѣжности имперіалистической стадіи онъ дѣлаетъ выводъ: надо, слѣд., поддерживать имперіалистическую политику, надо содѣйствовать германскому империализму, надо, однимъ словомъ, „идя на выучку" къ имперіализму, „строить кабаки"!

Систематичность этой ошибки въ кругахъ, именующихъ себя марксистскими, не позволяетъ предполагать въ ней простой аберраціи историческаго зрѣнія. Нѣтъ. Эта логика—лишь отраженіе фаталистическихъ элементовъ, внесенныхъ въ доктрину десятилѣтіемъ „мирнаго" развитія Западной Европы и широко эксплоатировавшихся оппортунизмомъ. Это не ошибка логики, а подмѣнъ точки зрѣнія одного класса точкой зрѣнія солидарности классовъ.

Въ извѣстныя историческія эпохи подобный подмѣнъ эпидемически охватываетъ извѣстные круги демократіи. Это—тѣ эпохи, когда разрѣшеніе объективныхъ задачъ момента по тѣмъ или другимъ причинамъ выпадаетъ изъ рукъ демократіи и попадаетъ въ руки ея антиподовъ.

Такъ, объективную задачу среднихъ десятилѣтій XIX в. въ Германіи—созданіе единой хозяйственной территоріи—поставила на очередь и пыталась рѣшить специфическими методами нѣмецкая либеральная буржуазія и радикальная демократія въ 1848 г.

Крушеніе ихъ усилій и соотвѣтствующихъ методовъ въ 1849 г. не обозначало, однако, что и сама задача снята съ порядка дня; это обозначало только, что ея воплощеніе перешло въ другія руки. И дѣйствительно: задача была рѣшена Бисмаркомъ методомъ „крови и желѣза“. Это именно и дало возможность Энгельсу сказать свою, поразительную на первый взглядъ, фразу о томъ, что „Бисмаркъ дѣлаетъ наше дѣло“.

Точно такъ же въ Италіи, вопросъ о созданіи единой капиталистической государственности на территоріи Аппенинскаго полуострова, поставленный длиннымъ рядомъ возстаній противъ австрійскаго владычества и его ставленниковъ, обостренный затѣмъ дѣятельностью Гарибальди и Мадзини,—былъ рѣшенъ подъ эгидой Кавура и пьемонтскихъ королей.

Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе объективной задачи первымъ методомъ (методами редакціи „Новой Рейнской Газеты“, баденско-пфальцскихъ дѣятелей, Мадзини и Гарибальди) обозначало бы рѣшительную очистку почвы отъ всякихъ феодальныхъ остатковъ, созданіе максимально-выгодныхъ условій для капиталистическаго развитія освобожденныхъ и объединенныхъ національно-государственныхъ территорій. Рѣшеніе по второму методу (методу Бисмарка и Кавура, методу, получившему въ наукѣ спеціальное обозначеніе „революціи сверху“) обозначало консервированіе феодальныхъ элементовъ внутри новаго капиталистическаго общества, сохраненіе многочисленныхъ старыхъ и созданіе новыхъ препонъ дальнѣйшему развитію.

Такъ, въ Германіи объединеніе, выполненное сверху, Бисмаркомъ, при помощи ряда войнъ и въ борьбѣ съ демократіей, обозначало — рядомъ съ созданіемъ гораздо болѣе широкихъ условій капиталистическаго развитія — и ограниченіе свободы этого развитія установленіемъ гегемоніи Пруссіи, сохраненіемъ десятка мѣстныхъ троновъ, династіи Гогенцоллерновъ, упроченіемъ милитаризма, десятилѣтіемъ исключительнаго закона и т. д. И несмотря на это, аналогичныя эпохи,— когда сверху

такъ или иначе осуществлялись объективныя задачи, выдвинутыя снизу и лежащія—въ общемъ—на пути историческаго развитія,—всегда бывали эпохами усиленнаго идейнаго разброда демократіи, ибо для части ея онѣ всегда создавали соблазнъ коопераціи съ верхами, всегда наталкивали на *подмѣнъ* специфическихъ классовыхъ задачъ демократіи общими „объективными" задачами, которыми, конечно, лишь маскировались классовые интересы господствующихъ или шедшихъ къ господству круговъ.

Когда пьемонтскіе господствующіе круги подъ руководствомъ Кавура вынуждены были, наконецъ, приступить къ такимъ шагамъ, объективная логика которыхъ могла быть истолкована, какъ путь къ объединенію Италіи,—это вызвало немедленно расколъ между Гарибальди, охотно и наивно пошедшимъ на союзъ съ новой силой, и Мадзини, упорно отрицавшимъ, чтобы данная сила дѣйствительно могла и хотѣла воплотить въ жизнь то единство и ту свободу Италіи, о которыхъ онъ мечталъ и добиться которыхъ онъ полагалъ возможнымъ не въ союзѣ, а, наоборотъ, только въ борьбѣ съ Пьемонтомъ.

Столкновеніе Мадзини и Гарибальди было столкновеніемъ въ средѣ мелко-буржуазной демократіи. Въ средѣ рабочей демократіи однородное столкновеніе нашло себѣ выраженіе въ рѣшительной и длительной борьбѣ между Швейцеромъ и Либкнехтомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, въ эпоху объединенія Германіи.

Поскольку рѣчь шла объ основной задачѣ эпохи—созданіи новой, объединенной, капиталистической Германіи—тактика Швейцера была тактикой поддержки Бисмарка; тактика Либкнехта, дѣйствовавшаго на этотъ разъ въ полной солидарности съ Марксомъ и Энгельсомъ, была тактикой рѣшительнаго отрицанія бисмарковскаго пути объединенія Германіи и противопоставленія этому пути другого метода, метода объединенія снизу. Совершенно естественнымъ и логичнымъ завершеніемъ глубокой пропасти между отношеніемъ Швейцера и отношені-

емъ Либкнехта къ бисмарковской „революціи сверху“ было ихъ діаметрально-противоположное поведеніе въ франко-прусскую войну 70-71 г.г. Швейцеръ и его группа голосовали *за* военные кредиты Бисмарку, Либкнехтъ и Бебель голосовать кредиты отказались [1]).

Политика Швейцера была политикой передовѣрія задачъ 48 г. въ руки бисмарковской „революціи сверху“. И это именно великолѣпно понималъ Марксъ, ополчавшійся не противъ той или другой частной ошибки Швейцера, а именно противъ этой основной линіи его политики, когда въ своей „критикѣ готской программы“ клеймилъ ее, какъ пособницу „феодальной реакціи“ и сообщницу „прусской государственности“.

Къ какому чудовищному выводу можно притти при помощи этой замѣны точки зрѣнія соціальныхъ антагонизмовъ точкой зрѣнія „объективно неизбѣжнаго“ процесса, хорошо иллюстрировалъ авторъ брошюры „Sozialistische Auslandspolitik“, Гергардъ Гильдебрандъ; изъ неизбѣжности колоніальной политики для современныхъ капиталистическихъ государствъ онъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что германскій пролетаріатъ долженъ отказаться отъ „голаго протеста противъ воинствующаго шовинизма“ и замѣнить этотъ „голый протестъ“ активной колоніальной политикой подъ знаменемъ „равноправія колоніальныхъ притязаній всѣхъ странъ“ и „обезпеченія колоніями обдѣленныхъ народнохозяйственныхъ организмовъ“. *Неизбѣжность* стадіи колоніаль-

---

[1]) При самомъ же голосованіи Бебель и Либкнехтъ въ спеціальной деклараціи указали, что они не голосуютъ противъ, а воздерживаются *только потому*, что голосованіе противъ „могло бы быть истолковано“ какъ сочувствіе бонапартизму. Достойно вниманія, что Бебель и Либкнехтъ въ данномъ случаѣ заняли одну и ту же практическую позицію, *несмотря* на то, что они придерживались діаметрально противоположныхъ взглядовъ о томъ, кого слѣдуетъ считать иниціаторомъ войны, Бисмарка или Бонапарта, и кого обороняющейся и нападающей стороной: Германію или Францію. Видимо, этотъ вопросъ въ опредѣленіи ихъ политики игралъ совершенно второстепенную роль...

ной политики для современнаго хозяйства и здѣсь служитъ „достаточнымъ основаніемъ“ для того, чтобы пролетаріатъ сдѣлалъ колоніальную, захватную политику направляющимъ мотивомъ своей собственной дѣятельности, своимъ собственнымъ лозунгомъ.

Но ту же схему разсужденія, ту же каррикатуру на логику „учителей“ найдемъ мы и у А. Потресова, ибо вѣдь для обоснованія своего новѣйшаго лозунга онъ не привелъ ничего, кромѣ того соображенія, что „россійской обывательской массѣ... еще надо поступить въ приготовительный классъ“ общественнаго развитія, что ей еще надо пройти „черезъ школу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ“. И здѣсь неизбѣжность данной исторической стадіи служитъ достаточнымъ основаніемъ для замѣны классоваго, специфическаго лозунга—лозунгомъ, воплощающимъ яко бы объективную сущность даннаго историческаго этапа, а на самомъ дѣлѣ воплощающимъ лишь классовые интересы *одной* (господствующей) изъ тѣхъ антагонистическихъ силъ, борьбой которыхъ творится—и въ то же время, отрицается—данный этапъ. Мы лишены возможности подробнѣе разсмотрѣть здѣсь схему Потресова, взятую нами сейчасъ лишь въ качествѣ одной изъ яркихъ иллюстрацій разсматриваемаго тезиса о широкомъ подмѣнѣ марксизма „объективизмомъ“, практикуемомъ въ настоящее время. Но мы не можемъ не отмѣтить здѣсь же двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, Потресовъ даже не поставилъ вопроса о тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны создаться въ странѣ, обреченной проходить „приготовительный классъ“ въ такой моментъ, когда ея сосѣди проходятъ послѣдній классъ, и о той роли, которую долженъ *при такихъ условіяхъ* играть ея передовой классъ. Между тѣмъ, введеніе этого необходимаго элемента способно сильно поколебать его теорію „историческихъ стадій“ и соотвѣтствующихъ лозунговъ даже съ его же собственной точки зрѣнія. Во-вторыхъ, Потресову слѣдовало бы посчитаться съ

тѣмъ обстоятельствомъ, что неизбѣжность „національно-государственныхъ рамокъ“ гражданственности была ясна и Марксу, что, однако, сначала не помѣшало ему выставить его лозунгъ 48 г., а, затѣмъ ни разу не побудило его пересмотрѣть этотъ лозунгъ или, тѣмъ паче, отказаться отъ него. Видимо, соотношеніе между „неизбѣжностью“ той или другой фазы общественности и ролью рабочаго класса въ ея историческомъ переживаніи представлялось Марксу нѣсколько иначе, чѣмъ Потресову. Гильдебранду или Леншу...

Подмѣнивъ эту точку зрѣнія точкой зрѣнія „объективизма“, политики типа Леншъ-Гильдебрандъ-Потресовъ должны были притти и пришли къ практикѣ, рѣшительно противорѣчащей всѣмъ „завѣтамъ“.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, что означало бы передвиженіе на точку зрѣнія Ленша широкихъ круговъ германскаго или какого-либо другого пролетаріата? Оно означало бы закрѣпленіе, оправданіе и возведеніе въ принципъ той картины, которая уже *осуществлена* въ данный моментъ. А основныя черты этой картины заключаются въ томъ, что позиція оффиціальнаго большинства германской партіи 1) обостряетъ и затягиваетъ международный конфликтъ, 2) что она превращаетъ пролетаріатъ въ орудіе имперіалистскихъ замысловъ,— въ томъ, въ концѣ концовъ, что 3) эта позиція затрудняетъ и задерживаетъ реализацію міровой задачи труда. Это и есть дѣйствительная характеристика роли большинства руководителей пролетаріата въ нынѣшней войнѣ. Что субъективно Шейдеманы, Ленши et tutti quanti ставятъ рабочему классу въ этотъ моментъ другія задачи, что, по ихъ мнѣнію, поддержка имперіализма въ данный моментъ приведетъ, въ концѣ концовъ, къ осуществленію ихъ старыхъ идеаловъ,— что, по схемѣ Потресова, изъ поддержки имъ лозунга „пригото-

вительнаго класса“ вытечетъ нѣкогда международность, — это обстоятельство ни капли не измѣняетъ объективнаго значенія роли, разыгрываемой *сейчасъ* всѣми упомянутыми дѣятелями.

„Поскольку,—писалъ Гильдебрандъ въ цитированной выше брошюрѣ, — въ настоящее время наше существованіе покоится на частно-хозяйственномъ пріобрѣтеніи и использованіи средствъ производства и производительныхъ силъ, *интересы рабочихъ требуютъ расширенія области приложенія капитала*“. (Курсивъ нашъ. Дѣло идетъ здѣсь о капиталѣ въ его національной формѣ). Надо признать, что изъ всего того, что было наговорено въ защиту позиціи оффиціальнаго партійнаго большинства,— это самое серіозное, самое дѣловое и наименѣе пустозвонное заявленіе. Оно объясняетъ—если не все,—то очень многое въ *фактической* позиціи большинства. Но нельзя забывать, что подобное пониманіе интересовъ демократіи неразрывно связано въ данную историческую эпоху съ очень важными практическими выводами.

Вѣдь „расширеніе области приложенія капитала“ протекаетъ въ нашу эпоху въ совершенно опредѣленныхъ, обусловленныхъ всѣмъ ея соціально-политическимъ содержаніемъ формахъ. Оно опирается на концентрацію средствъ производства въ рукахъ трестовъ и финансовой олигархіи, и оно осуществляется путемъ ожесточенной борьбы этихъ національныхъ трестовъ между собой. Нельзя „пріять“ „расширеніе областей приложенія капитала“, какъ свою задачу, не „пріявши“ тѣмъ самымъ и данныхъ условій реализаціи этой задачи. Логика обязываетъ. А это обозначаетъ, что логика позиціи тѣхъ группъ производителей, которыя взяли бы на себя заботу объ „области приложенія капитала“, неизбѣжно привела бы къ упроченію положенія господствующихъ круговъ въ качествѣ руководителей концентрированными средствами производства и, одновременно, къ страшнѣйшему обостренію борьбы между національными трестами, не

сдерживаемыми уже въ своей погонѣ за „областями приложенія капитала“ никакой внѣшней силой.

Превращеніе рабочаго класса изъ самостоятельной силы въ простое орудіе національной гегемоніи того или иного треста— превращеніе, которое мы можемъ сейчасъ изучать на примѣрѣ хотя бы Германіи — было бы завершеніемъ политики, проповѣдуемой Леншемъ-Гильдебрандомъ-Потресовымъ.

Ставши орудіемъ охраненія или расширенія (смотря по тому, какой „классъ“ ученія проходитъ данное нац. хозяйство!) „областей приложенія капитала“, наемный трудъ и внутри даннаго хозяйства неизбѣжно сталъ бы простымъ матеріаломъ для постройки зданія завершеннаго господства коллективно-капиталистическаго хозяйствованія. А поскольку и само развитіе производительныхъ силъ общества есть результатъ обостренной соціальной борьбы внутри его, постольку реализація политики соціалъ-имперіализма обозначала бы пріостановку, а затѣмъ и деградированіе производительныхъ силъ. Осуществленіе въ широкомъ, т.-е. міровомъ масштабѣ и на продолжительный періодъ этой политики обозначало бы, такимъ образомъ, не приближеніе ея идеаловъ (это, вѣдь, не имперіализмъ, а соціалъ-имперіализмъ!), а, наоборотъ, только то, что ея старые идеалы осуществлялись бы вопреки и въ борьбѣ съ тѣми группами, которыя ее бы усвоили.

Отъ безотрадной картины, свидѣтелемъ которой было бы человѣчество, если бы дѣйствительно схема Ленша была реализована въ практической политикѣ большинства демократіи, спасаетъ только одно обстоятельство, — что для осуществленія подобной политики въ широкомъ масштабѣ и на болѣе или менѣе продолжительный періодъ нѣтъ никакихъ объективныхъ условій, что общественное развитіе, создающее міровой рынокъ, будетъ неизбѣжно побѣждать тенденціи замкнутой національной политики. Ленши и Потресовы—выразители не общаго направленія пути „четвертаго сословія“, а лишь недостатковъ его раз-

витія, отсталости отношеній вчерашняго историческаго дня; они—представители *послѣдней иллюзіи* пролетаріата, за которую, конечно, придется заплатить очень дорого, много дороже, чѣмъ было заплачено въ 48 г. за иллюзіи Луи Блана. Борьба съ этой послѣдней иллюзіей является неизбѣжнымъ этапомъ въ созданіи новой тактики, а ея идеологическая разработка — у Ленша, у Потресова и т. д. — пойдетъ, видимо, на построеніе мимолетныхъ партій „національнаго труда", на освященіе отстающихъ формъ движенія, подобно тому, какъ эту же роль въ серединѣ XIX в. выполняли прудонизмъ и трэдъ-юніонизмъ.

Такимъ образомъ, путь Ленша-Потресова еще менѣе ведетъ къ преодолѣнію имперіализма, чѣмъ разсмотрѣнный выше путь Гаазе-Каутскаго. Оба эти пути одинаково заводятъ въ тупикъ, одинъ—пройдя предварительно по всѣмъ дорогамъ, протоптаннымъ господствующей политикой, освятивъ ту практику, которой отъ „четвертаго сословія" требуютъ Рорбахи и имъ подобные; другой—безрезультатно пытаясь обогнуть „историческія неизбѣжности", обойти сторонкой кровавые рубежи исторіи.

Но, въ такомъ случаѣ, есть ли вообще путь преодолѣнія имперіализма?

Онъ есть, и его можно легко нащупать, если только принять во вниманіе, что имперіализмъ есть реакція извѣстныхъ хозяйственныхъ группъ на созрѣваніе общественныхъ условій обобществленія и что *этой* реакціи можетъ быть противопоставленъ другой *хозяйственный планъ*, другой отвѣтъ, отвѣтъ другихъ хозяйственныхъ группъ на тотъ же вопросъ объ устроеніи мірового хозяйства.

Ибо имперіализмъ только *необходимое слѣдствіе* господствующаго способа производства, но совсѣмъ *не разрѣшеніе* созданныхъ имъ противорѣчій. Именно потому, что имперіализмъ ставитъ рѣшеніе всѣхъ насущныхъ вопросовъ соціальной жизни подъ контроль вопроса о трестовой прибыли, онъ не способенъ ихъ рѣшить. По самому существу своему имперіализмъ можетъ лишь обострить, но отнюдь ни можетъ рѣшить ни вопросъ объ

урегулированіи національно-хозяйственной обособленности, ни вопросъ о перераспредѣленіи производительныхъ силъ путемъ культивированія новыхъ странъ, ни, наконецъ, вопросъ объ уничтоженіи соціальной розни, сколько бы ни пытался онъ ослабить послѣднюю путемъ экономическаго подкупа производителей за счетъ эксплоатаціи чужихъ націй. Поэтому-то осуществленіе съ чьей бы то ни было стороны мечты о міровой гегемоніи было бы въ то же время ея соціальнымъ крахомъ изнутри.

Но неизбѣжный крахъ этой имперіалистической утопіи не мѣшаетъ тому, что финансовый капиталъ именно на этомъ пути ищетъ разрѣшенія,—разрѣшенія въ свою пользу,—противорѣчій современной хозяйственной жизни.

Подобно тому, какъ политика Бисмарка была попыткой использовать въ интересахъ буржуазныхъ, аграрныхъ и династическихъ элементовъ процессъ созрѣванія Германіи къ объединенію, подобно этому политика Рорбаховъ, Баллиныхъ, Чембэрленовъ есть попытка использовать въ своихъ интересахъ созрѣваніе общественныхъ условій обобществленія. И такъ же, какъ у Бисмарка былъ свой совершенно реальный планъ объединенія Германіи (въ этотъ планъ входили: войны съ Даніей, Австріей, Франціей, германскій таможенный союзъ, всеобщее избирательное право, рядъ уставовъ гражданской жизни... и борьба съ соціалъ-демократіей), такъ же есть свой *хозяйственный планъ* у Рорбаховъ и его разноплеменныхъ духовныхъ братьевъ. Въ него входятъ: система таможенныхъ объединеній (и, въ качествѣ неизбѣжнаго дополненія, рядъ таможенныхъ войнъ), присоединеніе или фактическое хозяйственное подчиненіе опредѣленныхъ территорій, синдикатская организація промышленности съ государственно-капиталистическими монополіями и... прирученіе рабочаго класса на почвѣ усвоенія имъ Ленцъ-Гильдебрандовской политики.

Этому хозяйственному плану противопоставляется не отстаиваніе на почвѣ его осуществленія интересовъ тѣхъ или другихъ

группъ, а лишь принципіально — другой планъ мірового хозяйства. Чтобы дѣйствительно преодолѣть планы имперіалистовъ, надо имѣть свою собственную систему регулированія мірового хозяйства и отстаивать ее, какъ *конкретную* мѣру, отвѣчающую на конкретные вопросы реальной хозяйственной жизни.

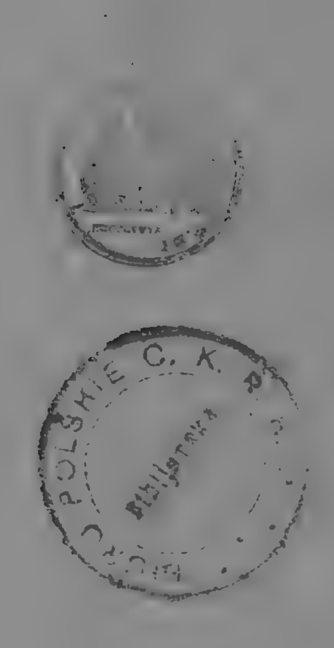
Имѣется ли такая система? Если ея нѣтъ, или если эта система есть только „конечная цѣль", только заготовленная впрокъ „музыка будущаго", реализовать которую никто не собирается, — тогда тѣмъ самымъ очищается мѣсто Рорбахамъ, которые имѣютъ что предъявить, которые заявляютъ: „если никто, кромѣ насъ, не знаетъ, какъ и куда дѣвать 500.000 п. чугуна въ часъ, какъ ихъ распредѣлить, чтобы заводы не стали, если никто, кромѣ насъ, не умѣетъ рѣшить задачи о снабженіи нашей страны пищевыми продуктами, которыхъ она не производитъ, тогда мы беремся это устроить. Это будетъ жестоковато: ибо мы не можемъ это устроить, не побивши чужими руками нашихъ конкурентовъ. Но это выходъ. А у васъ его нѣтъ". Если, при этомъ, Рорбахи реализуютъ прибыли чуть ли не въ томъ размѣрѣ, который они сами себѣ назначатъ, и продолжаютъ держать опекаемое ими населеніе на границѣ голодной смерти, то это вполнѣ естественно вытекаетъ изъ сущности вещей.

Съ подобными методами хозяйствованія можно бороться, лишь предъявивъ и пытаясь реализовать свои собственные методы. И не даромъ соотечественникъ и антиподъ Рорбаха, Гильфердингъ, еще за 10 лѣтъ до современныхъ событій писалъ о новомъ хозяйственномъ планѣ, что въ условіяхъ имперіалистической эпохи онъ „перестаетъ быть отдаленнымъ идеаломъ, — перестаетъ быть даже той „конечной цѣлью", которая просто указываетъ общее направленіе „текущихъ требованій": онъ становится существеннымъ элементомъ въ непосредственной практической политикѣ"... [1]).

---

[1]) Р. Гильфердингъ. Финансовый капиталъ. Рус. пер., стр. 567.

Это отнюдь не значитъ, конечно, что новый хозяйственный планъ долженъ быть реализованъ немедленно, но это значитъ, что вся практика должна быть направлена на созданіе — въ борьбѣ съ Рорбахами, въ постоянномъ противопоставленіи своихъ методовъ ихъ методамъ—той силы, которая завтра эту задачу будетъ призвана рѣшить.

Книгоиздательство „ПРИБОЙ".

Б. Г. Данскій. Страховая кампанія (распр.)	— р.	20 к.
Страхованіе рабочихъ въ Россіи на Западѣ, подъ редакціей **Б. Г. Данскаго.** Вып. 2-й	1 „	75 „
Вып. 3-й	1 „	50 „
А. И. Предкальнъ. Мытарства страх. законовъ	— „	10 „
Б. Соловьевъ. Леченіе раб. по зак. 23 іюня 1912 г.	— „	15 „
Б. Соловьевъ. Больничныя кассы	— „	3 „
Б. Соловьевъ. Бойкотъ больничныхъ кассъ (распр.)	— „	3 „
Ольга Сольская. Работница и страхованіе (3 изд.)	— „	5 „
А. Кожебаткинъ. Больн. кассы горныхъ и горнозав. рабочихъ	— „	5 „
Б. Соловьевъ. Горнорабочіе и страхованіе	— „	2 „
Докторъ В-въ. Общая больничн. касса и врачебная помощь	— „	2 „
Д. С. Р. Рабочій уставъ больн. кассы (3 изд.)	— „	20 „
Уставъ общегородской Петербургской кассы (распр.)	— „	6 „
Г. Шульцъ. Лейпцигская больничная касса	— „	2 „
Г. Шульцъ. Страхованіе въ Англіи и у насъ	— „	2 „
Ф. Штурмъ. Фабричныя больнич. кассы въ Германіи	— „	2 „
Вивъ. Правила для участниковъ кассы	— „	2 „
А. Богдановъ Введеніе въ политическую экономію	— „	40 „
К. Сталинъ. Національный вопросъ и марксизмъ	— „	20 „
Отто Рюле. Основные вопросы воспитанія	— „	60 „
С. Петровъ. Правда и ложь о евреяхъ	— „	7 „
Г. Зиновьевъ. Свобода коалиціи	— „	3 „
Г. Зиновьевъ. Вокругъ свободы печати	— „	3 „
М. Горькій. Вездѣсущее (распр.)	— „	3 „
Ю. Стекловъ. Рабочее движеніе во Франціи	— „	5 „
В. Невскій. Доля шахтера	— „	5 „
Сборникъ пролетарскихъ писателей, книга 1-я; съ пред. **М. Горькаго.**	— „	40 „
Вивъ. Трудъ и здоровье рабочихъ	— „	35 „
Г. Цыперовичъ. Синдикаты и тресты	— „	15 „
Вл. Войтинскій. Безработица и локауты	— „	8 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

издательства „Прибой"—въ книжномъ складѣ „Огни",

Петроградъ, Фонтанка, 80, кв. 2

и въ конторѣ журнала „Вопросы Страхованія",

Петроградъ, Загородный пр., 17, кв. 77.

ВЪ МОСКВѢ: книжный складъ Е. Д. Трауцкой. Волхонка, 7.

Книгоиздательство „ВОЛНА“.

Н. Скопинъ. Вокругъ Циммервальда . . . . — р. 30 к.

Ю. Каменевъ. Крушеніе Интернаціонала . . . . — „ 30 „

Р. Арскій. Кооперація и рабочій классъ . . . . — „ 20 „

Ю. Каменевъ. Соціальное содержаніе имперіализма . . — „ 40 „

Г. Зиновьевъ. О причинахъ краха германской соціаль-демократіи . . . . — „ 30 „

ПЕЧАТАЕТСЯ:

К. Сталинъ. Національное движеніе въ его развитіи . . . — „ 60 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „ВОЛНА“:

книжн. скл. „ОГНИ“, Петроградъ, Фонтанка, 80.

Въ Москвѣ: кн. скл. **Е. Д. Трауцкой**, Волхонка, 7.

